Collis, R. (2012) *The Petrine Instauration: Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725*. Leiden, Boston: Brill. — 576 p.

Новая книга Роберта Коллиса «Петровская реставрация: религия, эзотеризм и наука при дворе Петра Великого, 1689–1725», конечно же, вызовет особый интерес у российского читателя, и не только благодаря неизменно популярной тематике, но и потому, что бережное и внимательное отношение автора к российской истории и культуре составило бы честь любому отечественному исследователю. Но позвольте, почему «петровская реставрация»? Не реформы, не преобразования, а именно реставрация? И Р. Коллис дает ответ на этот вопрос буквально на первых страницах книги, а затем, после подробного изложения своих доводов, вновь обращается к нему, но уже в последней главе, посвященной личности самого Петра.

Интересной особенностью книги является то, что автор не просто излагает исторические факты и анализирует концепции; в центре повествования образы и идеи людей, судьбы которых неразрывно связаны с историей нашей страны. Квирин Кульман, последователь Я. Беме и проповедник пятого «иезуэлитского царства»; его сторонник и «поддельник» Конрад (в известной традиции переиначивать имена «на русский манер» — Кондрат) Нордерман; купец из Немецкой слободы, не нуждающийся в особых представлениях, по определению Р. Коллиса, «ученый колдун при дворе Петра Великого»[1], Яков Брюс; последователь Парацельса, иатрохимик, лейб-медик Петра I и первый русский архиатр Р. Эрскин (в русской интерпретации Роберт Карлович Эрскин); митрополит Рязанский и Муромский, местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский; архиепископ Псковский, неординарный и неоднозначный религиозный мыслитель и философ Феофан Прокопович — вот далеко не полный перечень тех, чьи дела и мысли создавали специфическую неповторимость эпохи, для которой характерны не только бурное развитие естественных наук и техники, но и уникальный синтез, казалось бы, несоединимого — религии, науки и эзотерики. И это лишь те люди, чьи имена вынесены в названия

1. *A Scientific Sorcerer at the Court of Peter the Great* — так Р. Коллис назвал одну из глав своей книги (pp. 49–120).

разделов книги, список можно было бы продолжать еще очень долго. И, разумеется, отдельная часть книги посвящена самому Петру, но в труде Р. Коллиса привычный для многих образ царя-новатора предстает в любопытном ракурсе — автор неспешно и обстоятельно анализирует не только традиционные аспекты петровских «славных дел», но и роль религии и эзотеризма в становлении представлений Петра I о научных нововведениях[2].

Квирин Кульман, протестантский мистик, ярый приверженец идей Я. Беме, выступал с эмоциональными проповедями, поэтико-философскими трактатами, провозглашая неизбежность грядущего Царства Божия на земле, где господствовала бы единая экуменическая религия, люди жили бы подобно Адаму и Еве до грехопадения, в обществе равенства и справедливости, без конфликтов и разделения на знать и простонародье, бедных и богатых, а главой Церкви был бы сам Христос. Прекрасно образованный, знакомый с сочинениями Раймунда Луллия и Галилея, интересующийся самыми разными отраслями знания, Кульман еще в молодые годы активно переписывался с Афанасием Кирхером, участвовал в научных дискуссиях. Кроме того, Р. Коллис отмечает влияние на взгляды Кульмана идей «протопиетиста Иоганна Арндта и мистика, врача и алхимика Парацельса» (p. 3).

Понятно, что такой непростой синтез научных, эзотерических и религиозных идей даже в наше, куда более терпимое время был бы воспринят, мягко говоря, неоднозначно. Вряд ли можно назвать неожиданным то, что, приехав в Москву в 1689 году, Кульман столкнулся не только со сторонниками и почитателями — их, кстати, в Немецкой слободе было немало, — но и с противниками и недоброжелателями. Идеи, проповедуемые Кульманом, были встречены враждебно как православными иерархами, так и праведными протестантами. Итог простой, он описан во многих источниках, вплоть до художественной литературы — точку в проповедях Кульмана поставил жестокий приговор: в том же 1689 г. его и К. Нордермана сожгли в срубе (вместе с сочинениями Кульмана).

Р. Коллис подробно рассматривает взгляды и практическую деятельность Я. Брюса,

2. «Роль религии и эзотеризма в формировании воззрений Петра Великого на научную реформу» (*The Role of Religion and Esotericism in Shaping Peter the Great's Vision of Scientific Reform*) — так называется гл. 6 ч. 3 (pp. 405–514).

сравнивая его судьбу и карьеру с биографиями таких известных ученых и мистических философов, как Э. Сведенборг, И. Бехер, И. Кункель, отмечая сходство их интересов в области горного дела, металлургии и алхимии. Автор упоминает и о том, что, возможно, Э. Сведенборг и Я. Брюс были знакомы лично, они могли общаться, в частности, на Аландском конгрессе (1718–1719), в работе которого в составе национальных делегаций они принимали участие, причем Э. Сведенборг часто общался напрямую с русской делегацией. Анализируя религиозные воззрения Я. Брюса, Р. Коллис отмечает, что они во многом близки к пиетистскому «сплаву религии и науки» (p. 3). Интересные выводы автор делает, базируясь как на исторических фактах, так и на анализе книг из библиотеки Я. Брюса, список которых приводится в одном из приложений.

Еще одна фигура, вполне характерная для окружения Петра I, — Роберт Эрскин. Этот выдающийся человек, ставший, по словам Р. Коллиса, одним из ближайших советников царя, оказал «значительное влияние на формирование великого реформистского проекта монарха» (p. 121). Автор отмечает, что в отличие от Я. Брюса Р. Эрскин не получил у русского народа славы чернокнижника, но его взгляды в отношении науки и религии были во многом сходными. Еще до своего отъезда в Россию в 1704 г. у него уже была слава уважаемого и талантливого врача и анатома. В библиотеке Р. Эрскина значительное место занимают алхимические трактаты, их список также приводится в книге. Среди тех, чьи творения заинтересовали лейб-медика, Гермес Трисмегист, Корнелий Агриппа, Роберт Фладд, Альберт Великий, Афанасий Кирхер, Георг Агрикола, Андреас Либавий, Раймунд Луллий, Мари Мердрак, Парацельс, Мартин Руланд, Анджело Сала, Отто Тахений, Василий Валентин и многие другие, известные и неизвестные авторы.

Стефану Яворскому и Феофану Прокоповичу посвящена отдельная часть, которую Р. Коллис назвал «Украинские клирики» (*Ukrainian Clerics*, pp. 211–356). Таланты С. Яворского автор обозначил словом *wordsmith*. Однозначно перевести это слово на русский язык трудно: так называют авторов-призраков, то есть пишущих за других (спичрайтеров), но также и стилистов, виртуозов пера; здесь уместнее всего «речетворец», что как минимум передает значение, но не подразумевает оценок. Приехав в Москву в 1700 году, С. Яворский,

по словам Р. Коллиса, оказался в «чрезвычайно напряженной атмосфере, с одной стороны, наполненной реформистским рвением, а с другой — бурлящей религиозным и политическим возмущением» (pp. 211–212). Именно речетворческое и ораторское искусство украинского клирика привлекло внимание Петра к фигуре С. Яворского, который благодаря покровительству царя быстро достиг высоких ступеней в церковной иерархии. С. Яворский был прекрасно образован, приняв унию, учился в Польше, по возвращении откуда отрекся от униатства и стал префектом Киево-Могилянской Коллегии (с 1701 года — Академии), преподавал риторику, поэтику и философию. Известен его интерес не только к теологии и философии, но и к астрологии. С. Яворский был прекрасно знаком с трудами европейских астрологов, цитировал их в своих сочинениях, отметился также и тем, что определил знаки Зодиака библейских персонажей, что вряд ли могло быть воспринято однозначно как униатской, так и православной церковью. Такой провозвестник великих побед России, ее провиденциальной роли, превосходный оратор и тонкий аналитик, на уровне символов и знаков соотносящий реалии своего времени с библейскими пророчествами, был просто необходим Петру I, роль которого, в частности, С. Яворский сравнивал с миссией Моисея.

Рассматривая воззрения другого украинского клирика, Ф. Прокоповича, Р. Коллис пишет: «...Так называемые „просвещенные“ взгляды Прокоповича на самом деле основываются на трех теологических и философских столпах: 1) пиетистский протестантизм; 2) православная вера, базирующаяся на сочинениях Восточных Отцов Церкви; 3) эзотерическое мироощущение, включающее в себя эклектические элементы аристотелизма, христианского неоплатонизма и герметизма» (p. 272). Герметические и, в частности, алхимические интересы Ф. Прокоповича прекрасно демонстрирует перечень книг соответствующей тематики в его библиотеке, который автор публикует в приложениях. Среди авторов — Отто Тахений, Корнелий Агриппа, Роберт Бойль, Петр Северин, Афанасий Кирхер, Даниил Зеннерт, Оле Борх — всего в списке 34 авторских сочинения. По мнению Р. Коллиса, фигура Ф. Прокоповича заслуживает более всестороннего рассмотрения, в том числе с учетом влияния мистического православия и эзотеризма на формирование мировоззрения и идей преданного сторонника и идеолога петровских реформ. Личность архи-

епископа Псковского, несомненно, противоречива, в его адрес высказывались самые крайние суждения, сводящиеся к оценке роли Ф. Прокоповича в пропаганде идей просвещения и реформ — как в основном положительной со стороны советских историков, так и однозначно отрицательной, сводящейся к обвинениям в антиправославии, что было четко сформулировано знаменитым православным богословом протоиереем Г. Флоровским, который писал: «Феофан Прокопович... был человек жуткий. Даже в наружности его было что-то зловещее»[3].

Представив подробное исследование религиозных, научных и эзотерических взглядов ярчайших представителей петровского окружения, Р. Коллис завершает свою книгу анализом личности самого Петра Великого. Автор считает, что без учета религиозных мотивов и эзотерических интересов первого Императора Всероссийского можно сформировать достаточно однобокий, одномерный образ. Мало того, Р. Коллис подчеркивает, что роль религии была центральной в формировании реформаторских убеждений Петра I. Все, что сделано великим реформатором, сравнимо с деяниями библейского царя Давида, а военные победы сравнивались с поражением Голиафа еще современниками царя.

Но не только военные успехи и административные нововведения составляли предмет реформ. Вот тут пришло время нам вернуться к вопросу о «петровской реставрации». Р. Коллис полагает, что реформистская миссия Петра Великого была осознана им и его окружением как возвращение к истокам древнего знания, доступного людям до грехопадения; автор пишет о глубоко осознанной в окружении Петра попытке «реставрации адамического знания» (p. 358). Это понятие представляет собой кажущееся нам странным, но для той эпохи более органичное переплетение элементов того, что мы называем наукой, религией и эзотерикой.

Вряд ли книга Р. Коллиса будет воспринята однозначно, ведь проблемы кризисов и реформ, консерватизма и нововведений, отношений церкви и государства, науки, религии и эзотеризма чрезвычайно актуальны, споры не утихают и в наши дни. Но идеи непредвзятого и внимательного исследователя, вероятно, заинтересуют многих.

Ю. Родиченков

3. См. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 122.